

Валерий Бергман ВСТРЕЧА

Пятно света над нашими головами таяло с неумолимой быстротой. В кабине батискафа стало совсем темно, только на панели управления тускло мерцали сигнальные лампочки.

– Пятьсот метров, – буркнул Ли, – если так пойдёт и дальше, через 40 минут окажемся на дне самой глубокой впадины Атлантики.

Он не закончил свою мысль, но я и так знал, что для нас это означало. Батискаф не выдержит чудовищного давления глубинных вод. Нас просто сплющит, как консервную банку.

Печальный конец для «детей океана», как мы себя называли. Точнее, так называлась наша подводная колония, основанная три года назад на атлантическом шельфе.

Колония располагалась где-то недалеко от Кейптауна. Правильнее сказать – недалеко от того места, где он когда-то был.

К концу XXIII века глобальное потепление привело к затоплению огромных участков суши. Нью-Йорк, Ливерпуль, Стокгольм, Санкт-Петербург, Буэнос-Айрес ушли на дно. Кейптаун тоже.

Когда стало ясно, что процесс необратим, человечество решило учиться жить под водой. В разных точках Мирового океана были созданы поселения – прообразы подводных городов будущего.

Наше поселение особенное. Во-первых, потому, что оно детское. Старше восемнадцати лет у нас только несколько человек: куратор колонии, протектор колонии, три инструктора, главный инженер и врач.

Во-вторых, наша колония – интернациональная. Здесь живут французы, итальянцы, испанцы, американцы, русские, китайцы, бразильцы.

Я среди «детей океана» уже почти два года. Сначала было очень тяжело. Жить без солнца, без свежего воздуха, без земли под ногами. Не ощущать запаха цветов и трав, не слышать пения птиц, шелеста листьев на деревьях...

Сейчас привык. Иногда снятся сны, будто я – дельфин.

– Валька, проверь ещё раз связь! – прервал мои размышления Ли.

Связи по-прежнему не было. В колонии ничего не знают об отказе двигателя «Морской звезды» (нашего батискафа). Раньше чем через два часа не хватятся. К этому времени нас уже не будет.

Лёгкий толчок встряхнул кабину. Я бросил взгляд на глубиномер – 643 метра.

– Кажется, мы больше не погружаемся, – удивился вслух Ли и включил большой прожектор. Луч света вырвал из темноты часть огромной скалы. «Морская звезда» приютилась на одном из её выступов.

– Сколько у нас кислорода? – встрепнулся Ли.

– Хватит на час с небольшим, – ответил я и выключил большой прожектор, оставив только ближний свет. Тонкая струя света упрямо буравила черноту вокруг нас и внушала надежду на спасение.

Надежду, впрочем, весьма призрачную. Если мы и избежим гибели на дне, то, скорее всего, задохнёмся от удушья здесь, на уступе.

Отличный парень этот Ли. Лучший механик в колонии. Отказ двигателя – не его вина. Видимо, заводской брак. Комиссия потом разберётся. Если нас, конечно, когда-нибудь найдут.

Тишина. Ещё полчаса, и мы начнём задыхаться.

Я включил музыку. Рэпер ДжудиСи исполнял свой последний хит «Моя душа как шторм в открытом море». Лампочки приборной доски подмигивали в такт хриплому речитативу. Или мне это уже кажется от недостатка кислорода?

Вдруг Ли дернул меня за рукав:

– Посмотри, кто это?

За стеклом иллюминатора, зависнув вниз головой, на нас тарачилась удивительно безобразная рыба. Большая уродливая голова, семь плавников, четыре из них – как лапы у ящерицы. На чешуе – странный узор из светлых пятен.

Рыба тем временем перевернулась животом кверху и будто бы подмигнула нам одним глазом. Забавно. Хоть какое-то развлечение.

– Плыви-ка ты отсюда, клоун, – сказал Ли, – здесь темно и холодно, давай наверх, к свету, к теплу, к звёздам...

«Клоун», однако, никуда уплыть пока явно не собирался и упрямо крутился вокруг «Морской звезды».

– Кто он такой? – пробормотал я.

Ли пожал плечами.

– Посмотри в Атласе морских обитателей, – кивнул он головой на дисплей бортового компьютера.

Я сверился с атласом. Ничего похожего. Странно.

– Валька! – внезапно крикнул Ли.

Пока я возился с атласом, за бортом разыгрались драматические события. Наш подводный приятель отчаянно бился, стиснутый огромными толстыми щупальцами. Их владелец находился где-то над батискафом, и, судя по толщине щупалец, принадлежал к роду «Grand Architeuthis», гигантских кальмаров-мутантов, порождённых экологическими катастрофами прошлых столетий.

Сейчас он явно наслаждался очевидной беспомощностью своей жертвы и не торопился завершать неравную схватку. Обитатель уступа продолжал бороться, пытаясь вырваться из смертельных объятий, но, увы, тщетно. Вот он дернулся в последний раз и затих.

Щупальца толщиной с корабельную мачту пришли в движение, подтягивая пленника куда-то вверх.

– Жалко его. Может, поможем? – повернулся ко мне Ли.

Почему нет? Нам всё равно терять нечего.

Я схватился за рукоять гидравлической пушки, взял прицел так высоко, как только смог, и послал весь бортовой запас стрел-трезубцев в этот шевелящийся ком щупалец-канатов.

Сначала не произошло ничего. Потом щупальца внезапно судорожно дернулись, клубок распался, рыба исчезла. Щупальца рассыпались вокруг, обшаривая уступ, скалу и будто бы что-то разыскивая. Внезапно чудовищная, невероятная сила рванула наш маленький батискаф вверх.

Ещё рывок, батискаф врезался в скалу, мы с Ли свалились на пол. Сколько было ударов потом, я не помню. Помню только, что свет кабине погас раньше, чем я потерял сознание.

– Ли, где ты? – я не узнал свой голос.

– Лежи спокойно. С ним всё хорошо. Почти всё, – говоривший поправил сам себя. Уж этот-то голос я знал прекрасно!

Доктор Сантьяго был известен каждому обитателю колонии. За эти годы все мы не раз сыграли роль его пациентов. Чаще всего не по своей воле.

Оказывается, нас нашли у Большой скальной гряды. Эхолоты засекали беспорядочное движение очень крупного объекта. Протектор Гомес направил туда «Барракуду» (нашу разведывательную подводную лодку), она и обнаружила «Морскую звезду». Сначала её не могли опознать – у батискафа был такой вид, будто его пытался проглотить кашалот.

– У Ли сломаны три ребра и ключица, – констатировал доктор Сантьяго. – А у тебя, мой милый, компрессионный перелом позвоночника. И вам обоим ещё очень здорово повезло!

Я вскрикнул. В завершении своей непродолжительной речи доктор всадил мне в щиколотку ужасно длинную иглу. Потом ещё одну. Уже в другую ногу.

Когда через месяц мы с Ли потихоньку пришли в себя, то первым делом наведались в библиотеку. Долгий поиск привёл нас к успеху. С одной из страниц книги «Морские рыбы и

рептилии», вышедшей безумно давно – в середине XX столетия, на нас смотрела увиденная там, в мрачной бездне, уродливо-добродушная физиономия.

– Целакант, – вслух произнёс Ли, – рыба-ископаемое, данный вид существовал в океане уже 360 миллионов лет назад... Послушай, Валька! – повернулся он ко мне. – Людей ещё и в помине не было, а такие, как он, уже всюду плавали. И ведь если бы кальмар его не схватил, то нас, скорее всего, сейчас бы и в живых не было. Навестим его уступ, когда сможем, вдруг он выжил?

Месяца через три после этого разговора наш новый батискаф «Чёрная каракатица» пришвартовался к уступу, остановившему наше падение в бездну.

Луч прожектора высветил на поверхности скалы отверстие, похожее на вход в пещеру. Ли навёл на него прожектор и несколько раз мигнул. Из пещеры высунулась физиономия нашего знакомого. Высунулась и спряталась.

Видимо, больше приключений он не хотел.

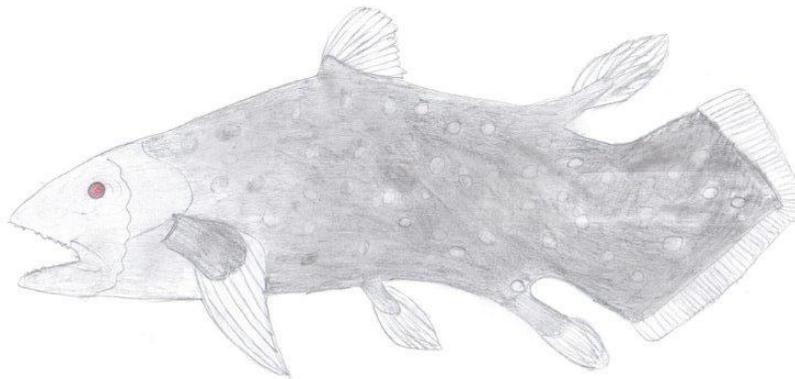
Мы плыли обратно. Стайки невероятно пёстрых рыб сопровождали «Чёрную каракатицу», словно почётный конвой. Монотонно стучал двигатель. Из магнитолы доносились очередные хрипы ДжудиСи.

– Как ты думаешь, – обратился я к Ли, – когда закончатся очередные 300 миллионов лет, его вид будет жить?

– Думаю, да, – ответил Ли.

– А наш?

– Кто знает? – неопределённо хмыкнул он в ответ.

Целакант (латимерия),
род современных кистеперых рыб,
известных по ископаемым останками возрастом 360 млн. лет